

С.И. Кормилов

«Один, как прежде...»

Лермонтов был критически настроен по отношению не только к придворным кругам, но к современному обществу в целом, к своему поколению особенно. В «Бородине» (1837) ему противопоставлено недавнее, но уже приобретшее эпический ореол прошлое, в «Думе» (1838) — будущее, «потомок», который «с строгостью судьи и гражданина» презрительно и справедливо «оскорбит» нынешнее поколение «насмешкой горькою обманутого сына / Над промотавшимся отцом». Как и «Смерть поэта», «Дума» заканчивается апелляцией к будущему «суду», и даже формальный прием применен тот же: последний, ударный стих укорачивается, принимая в себя такую же энергию произнесения, как в предыдущих длинных стихах.

<...> Лермонтов в «Думе» везде говорит «мы», «наше», не отделяя себя от своего поколения. На фоне стихотворений о противостоянии независимой личности и общества «Дума», казалось бы, выглядит произведением совсем другого плана. Тема одиночества человека в ней прямо не заявлена. Но, во-первых, речь идет об историческом «одиночестве», изолированности поколения. Во-вторых, критикуя «нас», не исключая себя из числа людей, пороки которых здесь разоблачаются, автор все-таки противопоставляет порокам некий идеал, и идеал этот — его собственный. Так что автор в «Думе» — и часть своего поколения, и противостоящий своему поколению обличитель его.

Пороки современников Лермонтова, как он их видит, — бесцельное усвоение печального опыта «отцов» (ошибки и «поздний ум» «отцов» — это и общечеловеческая закономерность, тот факт, что люди с возрастом «остепеняются», и конкретно-историческая ситуация, общественная апатия после гражданского энтузиазма времен декабризма), бесцельная работа ума, усталость от бездеятельной жизни, равнодушие к добру и злу (здесь оно у Лермонтова «постыдно»), отсутствие мужества и гордости («Перед опасностью позорно-малодушны / И перед властью — презренные рабы»), вынужденная скрытность (современники таят «завистливо от ближних и друзей / Надежды лучшие и голос благородный / Неверием осмеянных страстей»), быстрая растрата «юных сил», способности к радостям, отсутствие «восторга» в отношении к искусству, бесполезное сбережение «в груди остатка чувства» с чисто случайными его проявлениями («И ненавидим мы, и любим мы случайно», не позволяя себе никаких жертв), дисгармоническая противоречивость внутреннего мира («И царствует в душе какой-то холод тайный, / Когда огонь кипит в крови», то есть какое бы то ни было «воспламенение», любовное или иное, заранее готово погаснуть). Поколение Лермонтова заменяло деятельность чтением, познанием. «Мы иссушили ум наукою бесплодной», истории, «векам» не останется «ни мысли плодovитой» (словесная неточность, правильно: плодovтворной), «ни гением начатого труда». В. Асмус объясняет: «Не мысль, не познание, не разум отвергает Лермонтов, но мысль, оторванную от действия, познание, не оплодovтворяющее жизнь, разум, разобщенный с волей, холодный, бездейственный». Это тем более «печально», что речь идет о молодых людях. «В начале поприща мы вянем без борьбы». Борьба — важнейшее, ключевое для Лермонтова понятие. Именно борьба и не привлекает его сверстников. Этого достаточно, чтобы не включать лермонтовское «я» в обобщенное «мы», чтобы и в «Думе» увидеть глубокое одиночество незаурядной личности.

<...>